

Ли Юаньцзинь замер, не ожидая, что его поблагодарят.

Неужели Шэн-чжанмэнь, первый человек в мире, чья гордость не знала границ, на самом деле говорит ему спасибо?

Ли Юаньцзинь долго не мог подобрать слов, чтобы ответить Шэн Шэчуаню, а тот, сохраняя невозмутимый вид, произнес:

— Я искренне благодарен тебе. И еще, я хочу кое-что тебе подарить.

— Подарить? Чжанмэнь хочет... что-то подарить мне?

Ли Юаньцзинь не мог в это поверить, слова звучали как небылица. Но Шэн Шэчуань, словно так и должно быть, достал из рукава небольшой свиток и протянул его юноше.

— На самом деле я приготовил это для тебя давно. Хотел отдать еще вчера вечером, но слишком устал и отложил. Сейчас я вручаю его тебе.

Ли Юаньцзинь поспешно развернул свиток и обнаружил, что внутри скрывается руководство по боевым искусствам. На обложке красовались крупные иероглифы: Иньхао Цяньцю.

— Иньхао Цяньцю, Тяньяо Диянь и Меч Почитаемого Лазурита — это три великих искусства секты Сунъюэ. Иньхао Цяньцю обучает владению скрытым оружием и механизмами. Даже если ты освоишь лишь два-три десятка процентов от мастерства, этого будет достаточно для самообороны. Несколько дней назад я слышал, что твой отец плохо с тобой обращался, часто бил и бранил. Тогда я подумал, не стоит ли обучить тебя защитным техникам.

— Чжанмэнь... вы... это же... это же боевое искусство вашей секты Сунъюэ. Боюсь, учить меня ему... боюсь, это не подходит.

— Что в этом такого? Раз мы связаны узами супружества, значит, ты человек секты Сунъюэ. Как ты можешь быть чужаком?

Ли Юаньцзинь слушал эти слова, и глаза его наполнились слезами. С самого детства он редко ощущал чью-то доброту, и поступок Шэн Шэчуаня мгновенно развеял вчерашнюю обиду и печаль. Особенно грело душу признание его принадлежности к секте Сунъюэ — это дарило чувство общности, которого он никогда прежде не знал.

— Хотя твоего отца больше нет рядом и он не может тебя ударить, тебе все равно нужно владеть боевыми искусствами для защиты. Иначе люди станут смотреть на тебя свысока и притеснять. Взять хотя бы тот случай, когда ты ходил за женьшенем — я не могу быть рядом каждую минуту и защищать тебя. Человек должен учиться беречь себя, тогда другие не посмеют пренебрегать им. Понял?

— Да... да... — Ли Юаньцзинь тихо кивнул, и слезы покатались по его щекам.

Шэн Шэчуань, увидев это, слегка похлопал его по плечу в знак утешения:

— Яньцин немного разбирается в боевых искусствах. Ты только начинаешь, если что-то будет непонятно — спрашивай его, а если он не знает, тогда приходи ко мне. К тому же, в ближайшие дни я буду занят делами, заходить буду реже. Сиди спокойно в своей комнате, не выходи, чтобы не столкнуться с посторонними. Понял?

— Не беспокойтесь, чжанмэнь, я буду во всем слушаться.

Невиданная прежде мягкость Шэн Шэчуаня подействовала на Ли Юаньцзиня подобно весеннему ветру. Эти теплые наставления принесли ему долгожданную радость и умиротворение.

После ухода Шэн Шэчуаня Ли Юаньцзинь, не теряя ни минуты, раскрыл свиток и принялся за учебу. Когда Ли Яньцин зашел принести еду, он увидел, что юноша усердно что-то читает, и с любопытством заглянул через плечо.

— Ого, Иньхао Цяньцю? Это чжанмэнь тебе дал? — Ли Яньцин был крайне удивлен и придвинулся ближе, чтобы рассмотреть книгу. — Но хотя Иньхао Цяньцю — самое простое из трех великих искусств, сможешь ли ты его понять, не имея базы?

— Немного понимаю... Мои отчим и мать владели некоторыми приемами, а потом...

— Что потом?

Ли Юаньцзинь запнулся, вспомнив лжеца, который когда-то его бросил.

— Потом... потом уже ничего не было.

— Раз твои родители знали боевые искусства, почему они не учили тебя?

— Они специализировались на фехтовании, а у меня увечье, такие техники мне не под силу.

— Вот оно что? Ну, это не беда. На самом деле, чтобы освоить скрытое оружие и механизмы, нужно лишь приложить ум, возраст тут не помеха. Если что-то неясно — спрашивай меня. Я, конечно, уступаю чжанмэню в мастерстве, но база у меня твердая. Зови в любой момент, не стесняйся.

Ли Юаньцзинь с глубокой благодарностью кивнул.

В последующие дни Ли Юаньцзинь под присмотром Ли Яньцина начал постигать искусство скрытого оружия. К удивлению наставника, Ли Юаньцзинь схватывал все на лету и обладал редким талантом. Уже через несколько дней он освоил первые две ступени Иньхао Цяньцю и мог искусно метать скрытое оружие. Ли Яньцин не без волнения признался, что у него самого на это ушло полгода, а Ли Юаньцзинь не только справился за несколько дней, но и успел между делом сшить два веера, что вызвало у Яньцина еще большее восхищение.

Шэн Шэчуань сказал, что не будет заходить, и действительно не появлялся. Ли Юаньцзинь был рад свободе: каждый день, помимо вышивки и тренировок, у него оставалось много времени на то, чтобы привести себя в порядок. Несмотря на бедное происхождение и недуг, мать с детства учила его следить за внешним видом и держать себя с достоинством. С тех пор как он попал в секту Сунъюэ, он только и делал, что предавался меланхолии и печали, забыв о заботе о себе.

Он воспользовался свободными днями, чтобы сшить себе верхний халат персикового оттенка и нижнюю рубаху цвета легких облаков, а волосы заколол простой заколкой. Он стал выглядеть гораздо бодрее. Ли Яньцин с улыбкой заметил, что юноша словно переродился и расцвел.

— А-Юань, на самом деле, по-моему, ты красивее Цюань Юань-цзюня и мисс Ду, да и характер у тебя лучше. Жаль, что ты не родился в знатной семье, иначе был бы счастливее их обоих.

Ли Юаньцзинь поспешно зажал ему рот:

— Перестань болтать ерундой! Это совсем не так. Если кто услышит, тебя же побьют!

— Чего бояться? Сюда никто не заходит, — посмеивался Ли Яньцин.

В процессе общения их отношения становились все ближе, они делились друг с другом всем сокровенным. Ли Юаньцзинь стал гораздо жизнерадостнее, на его лице начала играть улыбка, он чаще заговаривал первым, а прошлые невзгоды почти стерлись из памяти.

Так прошло семь дней и семь ночей. На восьмой день, когда Ли Юаньцзинь, закончив упражнения, сидел на краю кровати и шил перчатки для Сюй Цинцзэ, дверь внезапно распахнулась. Вошел Ли Яньцин, выглядевший весьма недовольным.

Ли Юаньцзинь замер, отложил работу и спросил:

— Что случилось?

— Что случилось? Сам посмотри.

Ли Яньцин был явно не в духе и показал принесенный из кухни ланч-бокс. Ли Юаньцзинь заглянул внутрь и увидел лишь две паровые булочки и блюдо с остывшим жареным тофу.

— Как это понимать?

Ли Юаньцзинь был в недоумении, но сразу почувствовал, что еда сегодня куда хуже прежней. Ли Яньцин, видя его наивность, не удержался от замечания:

— Чжанмэнь не приходил уже семь или восемь дней.

— ...

— Твоим питанием заведует маленькая кухня во внутреннем дворе мисс Ду. Они сначала готовят для нее, а тебе отдают то, что останется. Кухарки из секты Цинчэн — люди приземленные, они видят, что чжанмэнь больше не заглядывает к тебе, и решили, что ты утратил его милость. Еду, оставшуюся после мисс Ду, они разобрали, а тебе принесли объедки со вчерашнего дня.

Ли Юаньцзинь все понял. Но помимо этого осознания, его потрясло другое: Шэн Шэчуань не появлялся уже семь дней!

<http://bllate.org/book/22248/2326798>